

16+

А.В. Губарев
НАЛЕТЧИК
Рассказы

Алексей Губарев

Налетчик

«ЛитРес: Самиздат»

2018

Губарев А. В.

Налетчик / А. В. Губарев — «ЛитРес: Самиздат», 2018

Жажда мгновенного обогащения есть порок терзающий сердце каждого гражданина. Вам, дорогой читатель, предлагается на короткое время окунуться в заманчивый мир походов амбициозного налетчика.

Алексей Губарев

Налетчик

Глава 1.

В то раннее майское утро 2016 года город Хабаровск ещё спал как убитый. Скорее всего, этому потворствовала сырая хмаркая погода. Товарный состав, натруженными суставами исполняя нечто среднее между колыбельной и собачьим воем, лениво вползал на одну из нескольких железнодорожных веток скучного вокзала, мокнувших в оседающем тумане. Полицейский патруль, занятый коллективным просмотром волнующего сна о погоне в одной из гостеприимных коморок подсобного помещения станции, против обыкновения не торчал на путях, чем здорово упрощал прибытие граждан в столицу Хабаровского края.

Клопы, во избежание массовых репрессий, старались не тревожить обморочного состояния ретивых служаек. Разве что какой зарвавшийся бессовестный сородич нет-нет да и позволял цапнуть сонного в запястье или за ухом, за что тут же и платил жизнью.

На одной из платформ с покоящейся крытой брезентом армейской техникой откинулся полוג и на щебень легко соскочил молодой человек. Поблекший оранжевый кант замызганных кроссовок, которые с кошачьей ловкостью перенесли пассажира с открытого места в близлежащие заросли белой ивы, говорил о пережитых восьми тысячах километрах, оставшихся позади. Кроме того, на скрывшемся из виду была выдавшая виды серая матерчатая кепка, потёртые джинсы и пастельных тонов ветровка. Все эти уникальные вещи не менее шести раз были тщательно запротоколированы в отделениях полиции разбросанных по унылым станциям Дальневосточной железной дороги, и каждая из них влачила на себе тяжкий груз угрызений совести за крайнее нежелание пребывать под арестом. Владелец изысканного наряда терпеть не мог замкнутого пространства.

Уже стоя под редкими каплями, шелестя осыпающимися с веток, и осмотревшись, загадочный пассажир небрежно бросил: – уметь надо.

Глава 2.

Хозяину впечатлительной совести было слегка за тридцать. Это был ничем не примечательный налётчик мелкого пошиба, подобных которому в миру видимо – невидимо. Три с лишним десятка годков его существования кроме детства включали: брошенную школу в девятом, кличку (неотъемлемую часть любого россиянина будь он хоть кем) Лепесток, уведённую соперником любовь по имени Лариса из города Воронеж, три обманутые заинтересованности дамского обличия льющие обильные слёзы на Золотое Кольцо России, одна, слабо подающая надежды, мечта, незначительный срок и побег.

К слову сказать, детство Лепестка было не таким уж безоблачным, несмотря на то, что пронеслось оно в стране Советов. Будучи ещё совсем крохой, он быстро отказался от простецких забав свойственных мелюзге. Сообразив, что обмен найденной гайки или сломанного

брелока на остатки мороженого или конфету приносит значительно больше пользы, чем лепка формочек в песочнице, будущий налётчик посвятил себя всеобещающей коммерции.

Азы знаний начальной школы убедили потенциального пройдоху, что лучшего эквивалента натуральному обмену, чем деньги не сыскать, а нервная процедура товарно-денежных отношений не всегда проходит мирно. Для реализации своих планов он овладел многими хитроумными навыками и способами. Мирная игра в «пекаря» до его вмешательства просто тревожила двор грохотом пустых консервных банок. Как только он взялся за дело, поле битвы было перенесено за гаражи, подальше от взрослого любопытства. Легкомыслие игроков испарилось, а в кармане юного предпринимателя впервые зазвенели заработанные монеты. Дело, неотъемлемой частью которого были переменного успеха кулачные сражения, ширилось и процветало. Уже через месяц к «пекарю» добавились «пуфточки», где в ямку щелчком закатывались пуговицы, и «стеночка», где об помеченный кирпич забора билась монета, чтобы накрыть собой соперницу. «Фанты» на школьных подоконниках в счёт не шли из-за снующих туда-сюда учительниц и многочисленных свидетелей.

И хотя на кону крайне редко оказывалась монетка больше пятидесяти копеечной, наш герой был доволен собой. Фруктовая жвачка с картинками мультсериала «Bolek i Lolek» не переводилась в карманах, поддельная «Кока-кола» набила оскомину, а гланды в первую же зиму из-за мороженого решили расстаться с зарвавшимся организмом.

Процветающий бизнес рухнул в одночасье. Одну из мамаш заинтересовали многочисленные просьбы её отпрыска дать денег на мороженое в ноябре месяце. Отпрыск, получив крепкую взбучку ремнём, выдал своему карателю организатора, пособников, и что за гаражами сшибает палкой банки из-под тушенки на деньги...

Организм юного деятеля, потерявшего дело, томился и тяжело переживал вынужденный экономический кризис. Перебиваясь редкими подачками судьбы в виде показа слайдов в подъезде по бросовой цене, он упорно искал выход из глупого положения, пока не пришла на помощь идея играть в «буру» в подвале соседней пятиэтажки. Помня уроки первого провала, правила подхода к новому делу и конспирация стали более жесткими. В ущерб прибыли была создана строгая очерёдность просаживающих родительское состояние, чтобы не вызвать подозрений. Несколько позже развитие потребовало организации картежного притона в стенах школы. Воцарившаяся над детским умишком рублёвая горячка, бредившая понтёрами, желала бы испытать судьбу в «клубном экарте». Но ставки и возраст воодушевленной редкой наживой и частыми проигрышами малышни не позволяли осилить «викторию» (по жизни – что собою попроще супротив «макао», то колхозница подле статс-дамы).

Поэтому, из чисто спортивных соображений, в помещении мастерской учителя по труду после уроков пришлось развернуть арену для проведения турниров в «секу». Ведь когда в «секу» проигрываешь десять рублей на верстаке не так обидно пару часов спустя проиграть ещё десять, но уже в «буру» в подвале.

Пагубную привычку в организаторе этих приключений не смогли изжить даже многочисленные приводы в милицию и постановка на учет в инспекции по делам несовершеннолетних. Азарт дело страшное. Липкое пристрастие приучило семиклассника таскать в руках тузов различных мастей, в киосках менять мелочь на бумажные купюры, а по ночам на валетов и дам наносить едва приметный крап. Но всему рано или поздно приходит конец. Повзрослевшие жертвы, всё детство напролёт транжирящие родительский капитал и лишившие желудок

десерта, а кровь глюкозы, наконец, набираются ума и пропорционально этому теряют влечение к проигрышу. Ещё далее от азартных игр их отгоняет первая любовь, потому что воспитанные девочки благосклонно относятся в свой день рождения к игре в «бутылочку» и после шампанского к забавам на раздевание, а вот игру на деньги они просто не понимают. Они в отличие от мальчишек другие.

Значительные перемены в облик картёжного шулера привнесло мужание. Как и на всех прочих, на него также многое наложило свой отпечаток. Первая любовь научила стыдиться разношенной обуви, мятых брюк и отсутствия денег; потеря любимой нанесла неповторимый оттенок разочарования во взгляд на окружающее; тюремная камера обогатила устную речь и отточила некоторые манеры; побег обострил чутьё и наградил изворотливостью и пр. пр.

В девяностые рухнул СССР, а его посадили за незатейливое хобби. Срок не был таким, чтобы сильно огорчаться. Просто патологическое отвращение к замкнутому пространству вынудило неугомонную душу преждевременно покинуть казённые палаты, обрекая грешное дитя на долгие скитания, а начальника тюрьмы сильно поволноваться. Оказавшись на свободе, Лепесток понял, что обрёл мечту и, в желании воплотить её, поменял множество увлечений, мерцающих тонкими оттенками криминала. Но ни одна затея за десяток лет не придвинула его к заветной цели.

Десять лет, особенно когда погибает империя, являя тем самым миру нищие осколки государственности, многое перекраивают. Меняется вкус, имя отчизны, любимая и даже привычки. За такой промежуток может запросто случиться и так, что вас прекратят преследовать за побег. Но мечта может остаться прежней.

Мечта нашего героя осталась розовой, хоть и была копеечной. Любой государственный деятель или губернатор, провернувший всего одну мошенническую операцию, в считанные месяцы легко может реализовать нечто подобное, о чём красноречиво свидетельствует программа "Вести". Но Лепесток не был государственным деятелем и тем более губернатором, а все разработанные им афёры запросто уместались в никудышный размер заработной платы среднестатистического россиянина. А он хотел, ох! как он хотел собственный домик на кипучем Большом Тегине.

Однажды, ещё до заключения, он побывал в пределах Усть-Лабинского района Краснодарского края. В станицу Подгорную по незначительному воровскому делу его занесло в конце августа под вечер. Он в очередной раз вынужденно избегал встречи с милицией. Всё было как обычно. Ужин с выпивкой, разговор с приютившим хозяином казачьего поместья на советский лад до рассвета и всё такое. Но с наступлением утра, любой мог видеть Лепестка с пробитым сердцем. Поверьте, этот парень был убит, и убит наповал. Как только солнце высушило красный бок и лизнуло окна Лепесток возьми да и выйди из хаты. Это был тот случай, когда обычно скажут: – Чёрт дёрнул.

Вид представшей взору долины поразил жулика. Тёмная зелень распадка светлела по мере того, как забиралась на холмы, переходя в нежный салатный цвет. Воздух был лёгок и кружил голову. По склону неслись кристальные воды неширокой бурчащей реки, которые, натываясь на валуны, облепляли их белыми кружевами. Поодаль стояла старая груша и хвасталась лимонного с алыми боками цвета плодами. За нею расположились беспорядочно разбросанные белоснежные казачьи хаты, охраняемые пирамидальными тополями, из-за которых то и дело выглядывали подсолнухи. Из проулка вынырнула хромая бабка, веткой погоняющая

корову. Там, где были разбросаны редкие деревья, отбрасывающие в траву немые тени, мирно паслись овцы. Вдали, будто в серебряных эполетах, дремали заснеженные вершушки синих гор, а над ними отливала свинцом грозовые тучи. В этой картине очень малое обнаруживалось из палитры Гаспара Дюге, но игру света основательно проработала трепетная рука Исидоро Фарина. Какое-то дивное умиротворение витало над этим уголком русской природы. Некий симбиоз альпийских лугов и апеннинских долин – этот завораживающий рай оставил незаживающую рану на вспылчивом сердце и не оставил надежд на избавление от внезапной напасти. Здесь царство лермонтовского гения русской душой со всяким вело неспешную беседу.

Сердце малого встало. Может, виной тому был переходный возраст героя, может, излишняя сентиментальность, но он твёрдо решил раздобыть немного капитала и впоследствии обустроиться в этих краях.

Как-то валяясь на скрипучем диване с засаленной по углам спинкой, цвет которого не представлялось возможным отнести к стандартной гамме, романтик размышлял, одновременно напевая про себя частушку:

– ... милый приходи к калиточке

у меня на сарафане розовые ниточки.

Проанализировав ситуацию и проведя трехдневную ревизию всей своей беспутной жизни, Лепесток пришел к неутешительному выводу. Приобретённые им романтические профессии гарантировали эффективную защиту от всякого рода депрессий, скорую адаптацию во всевозможных климатических зонах, но никак не обещали средств на постройку имения с сочным названием казачий курень. А деньги нужны были быстрые.

В новых реалиях множества войн и санкций коммерция в стране основательно забуксовала. Поменявшаяся власть почему-то умела создавать только дикие условия существования. Как-то скоро жизнь была заменена на выживание. Всё, что раньше радовало взор, на глазах рушилось и разбазаривалось. Многочисленные заводы и фабрики стирались с лица земли, колхозы и совхозы канули в Лета, натуральные продукты питания вытеснили ароматизированные наполнители. Процветали только: власть, Дума в полном составе и коррупция, что обеспечивало невиданный рост благосостояния всех, кто состоял членом этой законопослушной группировки.

Помозговав ещё маленько и вспомнив красочные рассказы сокамерников, он решил сменить весовую категорию своей квалификации. Более тяжкая статья налётчика в случае провала тянула на вынужденное восьмилетнее безделье на нарах, но при хорошем раскладе всего одна операция равнялась двухэтажному особняку на берегу горной речушки и к тому же была спринтером в смысле доставки денежных знаков игроку.

Бизнес штука коварная. Если опоздал с идеей, то выгодной ниши уже не занять. Полгода поболтавшись по Среднерусской возвышенности и обманутый надеждами, мечтатель решил пуститься в дальний путь. Естественные ворота из центральной России в Сибирь предлагали попробовать свои силы на суровом поле брани восточного департамента страны.

– На кой ляд так устраивать государство, чтобы гражданин был не в силах обеспечить себя всем необходимым? Обобрать некого. Обыватель – голь перекатная, а по ящику несут чухшь о благосостоянии. Не работа, а черт знает что такое. Умаешься в доску, нанервнича-

ешься, а пожрать не на что... Ладно, на первых порах, наверное, подою-ка я отроги Уральского хребта, – решил новоявленный грабитель, – груди этой обожравшейся изумрудами «коровы» наверняка лопаются от переизбытка, – и рванул в Екатеринбург.

Около четырех часов вечера верхняя полка головокружительно пропахшей несвежими носками плацкарты поезда 105Ж выплюнула гостя на неуютный почти пустой вокзал «Екатеринбург-пассажирский», где его легкие наглухо запечатал демидовский смог.

-Да, – подумалось сменившему масть несколько легкомысленному жулику, – на самом деле существа вылепленные по подобию Богу нехорошо пахнут. Наверняка в небесном деянии каким-то боком замешан скунс. Интересно, что по этому поводу думают бабы?

Пройдя насквозь станцию, со стороны улицы Вокзальной он обнаружил неброское кафе с банальной вывеской «Вилка Ложка». Наспех перекусив беляшом, запиваемым горячим какао, гастролёр покинул неприветливую залу. Здраво рассудив, что светиться нужно как можно меньше было принято решение не соваться в центр, а остановиться где-нибудь в неблагонадежных кварталах. Малопригодные для жизни густонаселенные кварталы полиция не любит и при удобном случае всегда обходит стороной. Человек пересёк здание в обратном направлении и вышел на перрон. Затем перемахнул обе линии и оказался на улице Завокзальной. Далее, минув пустырь и Мельковский переулок, потратил пятнадцать минут, чтобы добраться до извилистой Артинской. Двадцать ноль ноль местного времени торжественно распахнули скрипучую ободранную дверь лачуги первого этажа в доме №37, что торцом упирается в Армавирскую. Хозяин драл три шкуры с квартиросъемщиков, сдавая подозрительное гнездо посуточно взамен за нейтральное отношение к изучению личности нуждающихся в крове. Как ни странно, временное убежище устроило носителя розовой мечты. Двор плохо просматривался. По ту сторону Армавирской строения образовывали каменные джунгли, в которых поймать очень желающего удрать не представлялось возможным. Кроме всего прочего, на верхнем этаже выход на чердак с отеческой заботой предусмотрительно раззявил пасть для любого страждущего. Наш герой умел, как говорить, не спускать глаз со своего ангела.

Уже на вторую ночь после этих событий екатеринбургскую полицию лишил сна срочный вызов, К помощи взывала, бессовестно торгующая контрафактом, аптека, что на Сурикова. Из сбивчивых объяснений молоденькой жрицы фармакологии выходило, что около полуночи в помещение вошел человек в черной «пасамонате» и точным ударом в челюсть уложил смелого и всегда шумного охранника на пол. Затем у притихшего члена сторожевых структур он вынул из кобуры пистолет и, направив ей в лоб, вежливо попросил отдать все наличные из кассы. Когда дрожащая пособница медикаментозного обмана отдала шесть с лишним тысяч и мелочь, налётчик сначала рассмеялся, потом щелкнул пистолетом и в грубой форме велел принести остальное из внутренней комнаты. Остальным оказалось сто тысяч рублей, красиво упакованных в две вакуумные пачки. Ещё про одну пачку смекалистая провизор умолчала, благоразумно сунув её на дно своей сумочки, а в объяснительной записке просто надбавила итоговую сумму. И, только когда преступник покинул помещение, она смогла прийти в себя и вызвать полицию.

Ресторан высокой кухни «Троекуровъ» с присущим сарказмом принял заказ от протачка вечером следующего дня. Портье, которого испугал твердый взгляд серых глаз, был смущён неброским нарядом посетителя, отчего явно нервничал. Дежурная улыбка метрдотеля предложила посетителю столик в самом неприметном уголке залы. Но, когда намёк на заблудившегося крестьянина, забравшегося вместо телеги в "Бентли", не изменив выражения лица,

расплатился с официантом, сверх двадцати семи тысяч положив на разнос три тысячи чайных, много повидавший администратор, опираясь на последние сводки из полиции, признал в заблудшей овце родственную душу, ибо и сам хорошо был знаком с типовым размахом удачливых делегатов от мест не столь отдаленных.

Нужно отметить, что в гангстерском деле Лепестка нельзя было причислить к чечако. Он имел некую склонность к дистанционному обучению, что и дало, в конце концов, свои роковые всходы. Дни полетели, как скворцы раннею весной на север. Два последующих экса с каждым разом приносили всё меньший улов, что не способствовало успокоению специалиста. Более того, местная полиция оказалась не такой неженкой, как это представлялось. Система «Перехват» добросовестно отрабатывала и не была настроена на фальшивый лад. Бой был неравен. Против одного работала неплохо сколоченная бригада, а рисковать было не с руки. Создавалось впечатление, будто новоявленный турист сдуру ткнул палкой в случайно подвернувшееся гнездо шершней.

В то время мечта требовала свободы мысли и действий. «Изумрудная корова» оказалась не более чем обычным вымыслом, а река Исеть по красоте здорово уступала живописному Большому Тегиню. Изъятый у весельчака пистолет тоже оказался обычным пневматическим пугачом, за что и был без сожаления выброшен на помойку. Лепестка стало преследовать ощущение, будто он рак, в июльскую жару угодивший на мель. "Жизнь обман с чарующей тоскою ..." – вертелись гениальные строки в голове Лепестка.

Осень вступала в ту пору, когда по утрам над лужами образовывается молочный лёд. От безделья заложник ситуации хрустел по замершим лужам, слоняясь по улицам, и в избытке лакал непонятную тоску. Ещё месяц спустя настал час, когда нужно было принимать свежее решение.

Кое-как настреляв на дорогу, осунувшийся маэстро мажорного жанра решил ретироваться и покинуть ошетинившийся подозрительностью осенний город.

– Попробуем тогда прошупать Сибирские просторы тщательно укутанные длинным рублем и присыпанные пушистым снеговым манто, – занимая верхнюю полку очередной дурно пахнущей плацкарты, подумал поверженный гладиатор.

Три месяца бесплодных усилий выжать из плато Путорана хоть какой-либо капитал не принесли сколько ни будь весомого результата. Голубые тона преступного воображения быстро посерели. Длинный рубль давно приказал жить. Снег оказался не пушистым, а колючим. Женские шубки из китайских кошек хоть и были вызывающе броски, никакой ценности не представляли, а потрепанные ридикюли, распухающие от многочисленных помад, не изрыгали из парфюмерного чрева монетных звонов. Полчаса ходу в любую сторону здесь приравнялось к дороге жизни. В Туруханске и Надыме уже три года зверствовал кризис, народ нищал на глазах и был озлоблен, а каждого новичка здесь принимали за лёгкую добычу, и правительство в этом вопросе было бессильно.

Белое безмолвие было настроено враждебно, что очень нервировало обескураженного налетчика. Нижняя Тунгуска, закованная во льды, навевала глубокую печаль. Виды озера Виви пугали однообразием и не впечатлили залётного мечтателя. Несколько времени отвлёк обмёрзший Курейский водопад и песчаные намывы по излучинам реки (на зоне крадучись ходил слух о несметных богатствах этой речушки). Но вместо самородков, весело подмаргивающих

золотоискателям на солнце, заинтересованной стороне в изобилии попадалась только серая безликая галька, лёд неимоверной толщины и пахло смертью. Рэкет на просторах Сибири был настолько мелок и опасен, что позволял лишь всё это время существовать впроголодь, не издохнуть в зимние стужи и ночевать в тяжелейших походных условиях. С эвенков взять было нечего, потому что со времен семейки Громовых они так и не смогли прийти в себя. Енисейская налимья диета окончательно расстроила пищеварение у любителя острых ощущений. Более того, нелюбезные проклятия продавщиц-тунгусок из круглосуточных киосков навели порчу на нарушителя спокойствия озёрных ожерелий и обратились в назойливое преследование представителями властей. Здесь, по всей видимости, сказались гены негодяя шамана, в далёком прошлом ведшего безнравственный образ жизни, иначе, откуда бы взялся такому количеству ведьм. Ко всему романтика начали угнетать тягучие сны, насильно возвращающие его в безликие будни пребывания в заключении.

Узник мечты был растерян и не находил себе места. Первый раз в жизни Лепесток вынужден был признать поражение. Если бы не проклятая мечта, он наверняка бы вернулся на Среднерусскую возвышенность. Но настырная мечта делала из него дурака и всячески потакала неимоверной глупости поиграть со смертью в «жмурки».

Красноярск встретил азартного игрока в рулетку судьбы в семь часов утра. Кое-как дотянув до сумерек, он вышел на улицу Перенсона. К банкам было не подступиться. Магазины, забитые товарами, пустовали и от того не имели наличности. Предстояло снова брать аптечный киоск. Как ни странно, подпольным аптекам кризис был не помеха. Если киоски, торгующие палёной водкой и сигаретами из соломы, заметно заскучали, то эти заправки мифического здоровья процветали. Здесь всегда были бойкие очереди, и любой покупатель с радостью расставался с деньгами, заменив их никуда не годной дрянью, расфасованной по броским корбочкам.

Нужного момента пришлось ждать целых два часа. Около двадцати двух часов аптечные своды добродушно приняли голодного исхудавшего и промёрзшего до мозга костей гостя. Охранник, увидев тщедушного посетителя, всё-таки поднялся из бессовестно продавленного им кресла и вразвалку подошел к вошедшему. Перед Лепестком стояла сытая сто тридцати килограммовая туша. Хлесткий удар в челюсть обязан был исключить всякого рода угрозу задуманному. Но, то ли значительная часть веса беспардонно рассыпанная на серебристой глади озёр злополучного плато, то ли спешка испортили всё дело. Вместо того чтобы упасть, верзила тряхнул башкой, неприятно зыркнул глазами исподлобья, ухмыльнулся, сомкнул правую клешню на горле Лепестка и, приподняв беднягу на пару дюймов от кафельного пола, прижал к стене и начал душить.

Глаза Лепестка полезли из орбит, а сам он захрипел. Замужняя провизор, увидев такую занятную сцену, потеряла голос и представила себя, бьющейся подобно бабочке в мощных мясистых руках охранника, стальными тисками окольцевавших её талию, при этом, решив, в удобном случае отдаться доброму малому. Способности её мужа, имевшего астеническое сложение и крайне истеричный характер, в некоторых смыслах интимных хитросплетений были ограничены.

В это время глаза Лепестка продолжали лезть из орбит, а сам он умирал одной из самых паршивых смертей. Его душа, смалодушничав раньше срока, отделилась и, расположившись под потолком, ожидала развязки.

Попытка ударить охранника в висок только придала противнику сил и оросила его бронебойное чело мутными каплями пота. Палач ликовал. Оставался последний, но подлый в своей сути, шанс. Если бы не дикое желание жить, то остатки пуританской совести и благородство Лепестка не позволили бы перейти все границы. Он всегда считал себя джентльменом.

Но он жаждал жить и перешел их. При этом остатки его пуританской совести издохли, как издыхают крысы обожравшись яду. Из последних сил он нанёс разительный удар правой ногой в пах зарвавшегося садисту. Это действие в буквальном смысле раскололо незатейливый внутренний мир охранника и перевернуло все его представления о предпочтении силы уму, а также о боях без правил. Инстинкт самосохранения беспечного гопника вынудил верзилу сначала побелеть, затем отпустить жертву, согнуться в три погибели и рухнуть на пол, суча ногами. Эротическим фантазиям онемевшей аптекарши сбыться было не суждено. Блудное разжение в плоти(религ.) замужней бабочки мгновенно угасло. Никогда не кланяющийся пулям герой бесформенной грудой валялся у трясущихся ног нежданного посетителя. Теперь на её глазах, грустно мыча, умирал так желанный мачо, а минутой ранее мертвец-доходяга возвращался к жизни. Дальнейшее проходило в той же последовательности, в какой проходят все ограбления аптек. Исключением было лишь возвращение предавшей тело души на место. Но бранить эту шалаву у Лепестка совсем не было времени. Пришлось смириться. Кое-как удержавшись от того, чтобы напоследок не двинуть ногой корчащегося на полу бегемота в печень, налётчик покинул мимолётный эшафот.

Смертный труд рокового набега отяжелил пустые карманы тонкой гангстерской натуры на без малого сорок пять тысяч рублей и в достатке наполнил их бесплатным гематогеном.

– Что-то не наблюдается бурной жизни в Сибири. Где же обещанный капиталистический блеск жирующих пороков? Происходящее более походит на агонию отошавшей старухи при осаде Ленинграда... – думалось Лепестку.

Пораскинув умом, счастливцев решил, что раз уж всё равно так далеко забрался, навестить дальневосточные окраины Родины.

– Ни разу не был, а терять, в общем-то, пока нечего. Что с того если и я немножечко окупнусь в водовороты удалённого имперского омуты, – подумалось победителю.

Уже спустя сутки лоботряс бесцельно болтался по городу Канску. Жилой район стиснутый улицами Красной Армии и Урицкого не горел желанием обеспечивать карманным капиталом проходимцев. Лепестка охватила грусть. Однако, когда он попал на Московский проспект ситуация в корне изменилась. Здесь рекламный щит неосмотрительно вызывающе выдувал зеленое око офиса сотовой связи. Лепесток кое-как убил остатки дня и, заняв выгодную позицию, начал следить за входной дверью эфирного деяги. Его интересовало окончание рабочего дня и еще более инкассация наличности. К изумлению налётчика в начале шестого вечера из офиса выпорхнуло небесное создание лет восемнадцати, широко раскрытые глаза которого сначала высыпали на окружающее скачущие изумрудные искры, затем плеснули нежной бирюзой и, наконец утопили мир в глубоком голубом. Через мгновение сумерки увлекли красные шпильки ангелочка в ту часть города, где имеют место селиться финансовые учреждения. Не нужно было иметь много ума, чтобы понять – девочка несла наработанную за день офисом выручку в банк.

Весь следующий день налетчик откровенно пробездельничал. В успехе задуманной операции он нисколько не сомневался. Еще вечером пройдоха дважды обследовал маршрут, по-видимому ежедневно проделываемый так неосторожными деньгами без какого-либо контроля и защиты. Всё складывалось как нельзя лучше. К вечеру погода испортилась. Проспект был почти пуст. Трогательно неловкие ярко красные шпильки весело цокали в сторону банка в такт аккуратной юбочке. Тигриным броском Лепесток настиг добычу, крепко взял за локоть и вырвал сумочку у оторопевшей жертвы. Оставалось метнуться в сторону и ...

Но кроме личных планов на всё имеется и Божий замысел. Лепесток отчего-то и против воли заглянул в распахнутые от смеси страха и удивления девичьи глаза. От этого зрачки пленницы внезапно потемнели, поглотив напавшего черной бездной. Через секунду бездну сменил аквамарин и в милых уголках этих озёр тут же появились две огромные кристально чистые слезы неподдельной детской обиды, а губы, имеющие тот неповторимый насыщенный цвет, которым обжигают растленные души только лепестки цветущего мака, задрожали. К чему – к чему, а к такому раскладу налетчик готов не был. Черное сердце сжалось, а непорочный херувим несколько обмяк и, по всему находясь в состоянии безмолвной истерики, приготовился немедленно хлопнуться в обморок. Дурацкое положение жулика затягивалось. Вопреки нарабатанной годами жестокости и не узнавая самого себя Лепесток сунул сумку в бархатную лапку, извинился на скорую руку, очень коряво выдавая свою выходку за так неуместную шутку, и на полную катушку дал заднего ходу. Сцена была недолгой. Но этого хватило, чтобы разбойное сердце завязло в иконной синеве выразительных глаз а душу стервятника завоевал такой редкий, изменчивый взор (александритовый что ли).

Тщательно маскируясь Лепесток сопровождал наивное беззащитное дитя пока не прознал местонахождение гнёздышка откуда выпорхнула эта птица. Женюсь – твердо решил Лепесток, – заброшу к чертовой матери гадское ремесло, расстанусь с бесшабашной житухой и женюсь. В жилу вытянусь, буду слесарить, сдохну, но женюсь на ней. В эту ночь как ни старался грабитель уснуть не смог...

Наутро внезапно обретший любовь грешник не без сожаления на время покинул Канск. К этому обязывало создавшееся положение; хищник взял след и по всему настигал жертву, потому и не мог вот так просто отказаться от заслуженного вознаграждения; к тому же в виду очень нашумевшего поединка в краевом центре возникшие риски заставили случайного владельца запрещенных приёмов джиу джитсу исчезнуть из поля зрения полиции, для чего он воспользоваться услугами пока ещё плохо контролируемых товарных составов и автостопом.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.